

ТИАНА
КАРАКАДА

ВЕДЬМИНЫ

ШОУЧКИ

Тиана Каракада́
Ведьмины штучки

«Издательские решения»

Каракада́ Т.

Ведьмины штучки / Т. Каракада́ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855054-6

НЕ «Ведьмины штучки» — рассказы о людях и ситуациях, в которые они попадают. Рассказы? Не совсем так. В сборнике вы найдёте как житейские истории, так и мистику, фурри и даже юмор. Интригующие завязки, неожиданные повороты, непредвиденные последствия и яркие незабываемые образы... Как поступит красавица Рита? Что приключится с блудным кабанчиком? Куда заведёт дорога по кладбищу? Читайте! Возможно, вы не всегда будете согласны с автором, но истории — это точно! — вас не оставят равнодушными.

ISBN 978-5-44-855054-6

© Каракада́ Т.
© Издательские решения

Содержание

Красным девицам урок	6
Тебя посодют, а ты не воруй	8
Дина ехала домой	13
Рúсалка	15
Мурлыка	19
Кукла	21
Дениска	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ведьмины штучки

Тиана Каракада́

Иллюстратор Марина Голюк

© Тиана Каракада́, 2019

© Марина Голюк, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-5054-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красным девицам урок

В автобусе я прошёл вперёд и сел рядом с девушкой в белой меховой шапочке. Её нежное фарфоровое личико с лёгким румянцем и огромные синие глаза были прелесть как хороши. Роскошная коса цвета грецкого ореха спускалась с воротника дублёнки до самого пояса, а там пушилась мягкой кисточкой. Я ахнул – настоящая Снегурочка!

В среднюю дверь заскочили двое парней, стали сзади.

– Сашка, где ты, чем занимаешься?

– Я? У брата, в его фирме исполнительным директором. А ты?

– Всё никак не устроюсь. Три работы поменял. Козлы тупые. Да и зарплата не та, чтобы горбатиться. Пошли ко мне! Я здесь близко живу, через остановку.

– Извини, Виталя, не сегодня. А помнишь, мы у Лёзика на дне рождения гуляли? Там ещё девушка была, Рита?

– Пивка возьмём...

– Красивая такая девушка.

– Красивая? Ну, не знаю, наверно. Помню, конечно. У меня и таранька есть...

– Виталя, не могу, в другой раз. А у тебя нет её координат?

– Ну-у, может быть... Давай, Санёк, решайся – посидим, вспомним студенчество...

– Так есть у тебя её телефон?

Этот Виталька засмеялся противным фальцетным смехом:

– Есть. Мы живём вместе. Её родки нам квартиру снимают. Такая покладистая оказалась деваха – слова поперёк не скажет. Пошли к нам! Она сегодня к своей мамке ездила за шубой, что ли. Наверняка вкуснятины привезла. И сама тоже, знаешь, как готовит! Я даже на рынок не хожу – лень. Она же и тащится, продукты выбирает. Малолетка совсем, а всё умеет. Ласковая такая. Жду, когда скандалить начнёт. Прикинь, я теперь после себя ничего не убираю. Джинсы, носки грязные, где раздену – кину. Телик в комнате смотрю – пиво пью, ем, скорлупа от фисташек... Свинячу... Посуду, мусор не выношу – там и оставляю. Ритка с универа приходит – порядок наводит. Старается, уют, типа, создаёт. Попросила один раз убрать, я и ухом не повёл, с тех пор и не говорит ничего. Я фигею. Сказать, что дура, – нет, нормальная девчонка. Терпит. Сам удивляюсь. Житуха – полный кайф.

– Так вы поженились?

– Я что, ненормальный? И так хорошо. Зачем жениться?! Горшки-пелёнки?

– Не жалко тебе её?

– А чего баб жалеть? У них доля такая!

Я оглянулся на этого мерз... красавца. Нервное худое, заостренное книзу лицо, хрящеватый носик, козлиная бородка. Такие вечно чем-то недовольны, всё им не так. Мне стало жаль незнакомую Риту, которая на дне рождения у Лёзика выбрала не симпатичного спортивного Сашу, а это недоразумение.

– Ну, пока, Санёк, бывай! Моя остановка.

– А давай по пиву! У тебя.

Двери закрылись, автобус тронулся.

– Неожиданно, – обратился я к соседке, которая тоже внимательно вслушивалась в разговор. – Не дай бог моей дочери оказаться на месте Риты!

– Неожиданно! – взглянула мне в глаза Снегурочка. – Я и есть Рита. Разрешите?

И она направилась к выходу.

Ступив на тротуар, девушка распрямила плечи, гордо вскинула голову. И вдруг мне показалось, что у Риты за плечами мелькнули рукояти самурайских мечей...

Беги, Виталя, беги!

Тебя посадят, а ты не воруй

Если бы Толик мог предвидеть, что с ним случится, то ни за что не зашёл бы в тот день к тётке Маре. Да и зашёл он так, от нечего делать.

Впрочем, «нечего делать» было обычным занятием Толика, которое превращало этого двадцатилетнего парня в рыжего свинтуса: нарисовались толстые щёки, округлилась спина, появились складки на животе.

Потрепав за уши радостно прыгающего Матёрого, пса злого, но верного, Толик направился к старому ореху, в тени которого спасались от июльского зноя дядя Жора и Монтана.

Этот уголовный тип появился здесь недавно, болтался по посёлку, зависал в кабаках. Он словно сошёл с афиши рок-металлистов: носил джинсы «Montana», фирменную футболку, серебряные перстни и длинный хвост, который не рискнула отрезать появившаяся недавно бритоголовая шушера.

Подошла тётя Мара с горкой горячих золотистых плацинд, кивнула племяннику:
– Как раз вовремя. Садись.

Это была необычная пара, дядя Жора и тётя Мара. Верная жена терпеливо ждала мужа из всех тюрем, какой бы срок ему ни светил.

Однажды в старом альбоме Толик увидел чёрно-белую фотографию, на которой с растущим изумлением узнал в сногшибательной блондиночке тётю Мару, а в стройном обаятельном юноше дядю Жору. Снимок был любительским, примерно шестидесятых годов, сделанный на природе, в лесу. Жора в тельняшке сидел на мотоцикле, держался за руль новенького «Восхода», улыбался. Мара, опираясь мягким местом на заднее сиденье, стояла и смотрела куда-то вдаль, словно оценивала выбранный ею путь. Ветер взметнул её длинные светлые волосы, но вздёрнутый упрямый подбородок и осколочный взгляд исключали всякую романтику. «Перед первой ходкой» – было написано на обороте снимка. По-видимому, на этом самом мотоцикле они и совершали набеги. Свой первый срок парочка заработала вместе. И для Жоры с той поры тюрьма стала вторым домом.

Когда в стране начались неразбериха и беспредел, дядя Жора вдруг остепенился, открыл у себя талант, затем мастерскую рядом с кладбищем и стал зарабатывать деньги, куя оградки как для бывших своих коллег по криминальному цеху, так и для их врагов. Поговаривали, что он отошёл от своих прежних дел. Но так ли это было, кто его знает, ведь к нему ходило много разного народу, поди разбери, кто есть кто. Но что правда, то правда, вот уже сколько лет дядя Жора не был на зоне.

Толика, парня тихого, безотцовщину, всегда тянуло к этому суровому человеку. Сам же дядя Жора относился к нему ровно, без сантиментов, крутится рядом малец, ну и ладно. Да и любил ли этот суровый уголовник кого-нибудь? Друзей дядя Жора не имел, подельников не приваживал, а женщина у него была одна – его, как он говорил, Маруха.

Столько лет прошло, а он всё такой же, как на фотографии, стройный, красивый, даже тельняшка как будто та же, только шевелюра да усы стали серыми, под цвет его светлых прозрачных глаз.

Мара утвердительно кивнула мужчинам, и Толик понял, что она разрешила продолжить разговор при нём.

– Монтана, говорю тебе, я в завязке! Сердце шалит. – Дядя Жора опрокинул стакан красного домашнего вина, закусил брынзой.

Нервный Монтана аж дёрнулся на стуле, зажестикублировал, пальцы веером:

– Жора!!! Всё готово, в натуре! Всё складывается. С Машкой я договорился...

Пьяница Машка был достопримечательностью посёлка. Здоровенный мужичище с бородой, курчавыми волосами до плеч, он нигде не работал, бомжевал, спал где придётся. Иногда подносил на рынке фрукты-овощи продавцу, иногда помогал разгружать мебель, бывало, и на кладбище подрабатывал, могилки копал. Там и в стакан наливали, и закуской угощали. Но чаще всего он промышлял в питейных заведениях. Наградил его Господь редким талантом пародиста. Стоило назвать Машку чьим-то именем, как смуглый бородач начинал говорить или петь голосом того знакомого либо известной певицы. Новые люди в посёлке удивлялись, почему он не пойдёт на сцену, в Москву, а ещё лучше в Одессу, на что тот отвечал: там, куда его посылают, он уже был. За талант добрые языки припечатали ему кличку Маша Распутина, Машка. Да что Распутина! Он Зыкину копировал не хуже Виктора Чистякова. За это наливали и наливали, и не надо было ему большего счастья!

Монтана резко сгруппировался, подался вперёд:

– Знаете, что Ленин сказал? «Мы грабим награбленное»! Правильный был начальник.

– Хватит трепаться. Это не терпелу на гоп-стоп взять. Ты у самого Бабкина хочешь хату вынести.

Монтана засмеялся:

– Фамилия у него подходящая, как погоняло, так и напрашивается...

Толик сидел в полной непонятке, при таком разговоре он присутствовал впервые. В его семье было не принято говорить о том, чем занимался дядя Жора и на какие средства жила тётя Мара. А тут при нём обсуждали, как ограбить, да не кого-нибудь – самого Виктора Витальевича Бабкина, заместителя директора предприятия, на котором работало почти всё население посёлка. Толик слышал, что этот Бабкин был гад, каких мало. Все страдали от его несносного характера. А когда не стало Советского Союза, тут Бабкин всю разошёлся, развил свою преступную деятельность, стал создавать и закрывать на предприятии фирмы, где творились мутные делишки, и сыпались оттуда в его карман украденные деньжищи. Месяцами не получал посёлок зарплату, люди не сводили концы с концами, тогда как Бабкин, по слухам, купил себе самолёт и депутатское кресло. Получалось, если красть по-крупному, то ты уже не вор, а уважаемый олигарх.

– А своровать у вора – это кража? – не сдержался Толик.

– Правильно, братело, «грабь награбленное»! Только он не вор, он козёл.

Мара сверкнула глазами на Толика:

– Ты, сынок, не говори, о чём понятия не имеешь, – и обронила: – Я слушаю, Монтана.

– Мара, всё на мази, – залётный повернулся к ней и стал рассказывать, словно ни Толика, ни дяди Жоры здесь не было.

– Завтра Альбина, жена Бабкина, свалит на дачу. Я тут с девахой познакомился, которая у них работает, лямур-тужур, в общем. Она отключит хозяйкину мобилу, ну, чтобы хмырь этот не смог перезвонить своей жене. Машка звонит Бабкину и голосом Альбины кричит, что грабят дачу, её убивают. Затем получает свой пузырь и убегает ко всем чертям. Он не в курсе. Бабкин, конечно, рванёт к ней, а мы... – Тут Монтана посмотрел на дядю Жору и твёрдо продолжил: – Мы берём его хату. Дверь там типа железная, для лохов, консервная банка, одним словом. А дорогого шмутья, рыжя – немерено, и валюты, как у дурака фантиков. Замок хлипкий, вскроем. Для дяди Жоры как два пальца... Да, дядь Жора?

– Ну, ты и настырный...

– Настырный тот, кто хочет стырить, – рассмеялся фальцетом Монтана и развалился на стуле.

– Соседи? – перебила его тётя Мара.

– Нет там никаких соседей. Этот Виктор Витальевич выкупил квартиры, занял первый этаж. А окна выходят в поле. Находка для вора, а не хата. Шо скажешь, дядя Жора?

Тот разлил по стаканам вино, никого не дожидаясь, медленно выпил, закусил и отрезал:

– Я завязал.

– Сказки...

– Молчи, Монтана! И слухай сюда! Я сказал, что завязал, значит, завязал! И нечего тут ухмыляться! Я Маре обещал. Но было дело, Монтана, и ты крепко выручил меня. И это правильно, что ты мне не напомнил об этом. Может, кто и забыл, а я свой долг помню. И завтра пойду с тобой. – Голос дяди Жоры окреп, и он, глядя жене в глаза, отчеканил: – В Последний Раз!

Мара, не отводя взгляда, промолвила:

– Я так скажу, Жора. Если нельзя не воровать, то тогда – можно.

Дядя Жора кивнул на Толика:

– Он с нами пойдёт.

Толик затаил дыхание, ждал, что скажет тётя Мара. Она же, опустив глаза долу, молчала.

Всю жизнь тётя Мара любила только своего мужа, но Толик, ребёнок покойной сестры, для неё, бездетной, был вместо сына. Он рос на её руках, был добрым и ласковым. Мара содержала его, покупала мальчику дорогие вещи, и может быть, поэтому Толик никогда не задумывался о будущем, не строил планов, а жил, словно плыл по течению. Ему не было нужды идти работать, благо понятие «тунеядец» ушло в историю. Уже будучи совершеннолетним, он остался один в большой маминой квартире, но благодаря тёте вёл безработную жизнь, дни напролёт читая любимые книжки. До сих пор тётя Мара берегла это уже выросшее дитя. Его будущее и даже будущее его внуков она обеспечила. И речи быть не могло, чтобы втягивать ребёнка в свои дела, но что-то, что-то в словах мужа заставило её душу заныть. С трудом подняв взор свой, она увидела глаза мужчин – азартные и бесовские Залётного, настороженные Толика. Поймала отрешённый взгляд мужа. Помедлила и молвила:

– Толя, постоишь на стрёме. – И совсем обыденно, словно о будничном: – Поможешь вещи перенести.

Тётя Мара тяжело поднялась и, глядя на мужчин сверху вниз, приказала:

– Пойдёте по кладбищу. Мерс, Монтана, поставишь у мастерской Жоры. Погрузишь свою долю, и гуд бай!

Залётный встрепенулся:

– Через кладбище?! Мара! Я мертвяков боюсь!

– Не съедят тебя! Так короче. На кладбище вас искать не будут.

Мара направилась в дом и, не оборачиваясь, поставила точку:

– Я всё сказала.

И Монтана сник.

На другой день всё шло как по писаному.

Монтана сам проследил за нужной квартирой. Он видел, как подъехала новенькая чёрная бэха, вышел похожий на борова Бабкин, недовольно брюзжа, отпустил водителя. Опытный Монтана, чтобы не дать вмешаться случаю, не ушёл, дождался ночи. Около двенадцати, как договаривались, нарисовался Машка, вскоре из темноты вышли Жора и Толик. Монтана ослабил зубы в охотничьем азарте.

– Один. В квартире больше никого. Держи, братан. – И Монтана протянул мобильник. – Когда позвоню, скажешь, как тут обстановка.

Толик взял модную тогда редкость – мобильный телефон.

– Потом рассмотришь. Подарю. Нажмёшь на зелёную трубку.

– Знаю. – Толик старался не выдать волнения.

– Ну, смотри не проколись. – Монтана набрал нужный номер, протянул свой телефон Машке, в другой руке тот уже держал презентованную бутылку водки. – Помнишь, «Альбина», что говорить?

Послышались длинные гудки, и презрительный развязный голос недовольно выдавил:

– М-да, алле?

И Машка запричитал голосом Альбины:

– Витя, Витя! Нас грабят. А-а-а! Всё выносят! Я наверху, в спальне! Идут сюда! Приезжай скорее! Я боюсь! Помогите-е!!! Ви-и-итя-а-а-а!

– Звони в милицию, дура!

– Сам дурак! – крикнул с обидой Машка и отключился.

Через минуту из соседнего подъезда уже выбежал водитель Бабкина, тут же послышалось, как на первом этаже захлопнулась дверь и, сопя и чертыхаясь, тяжёлой тушей скатился сам Виктор Витальевич. Дождавшись тишины, все разошлись: Машка, прижимая бутылку со своим счастьем, быстро растворился в ночи, дядя Жора и Монтана нырнули в подъезд, а Толик затаился под густой ивой. С самого начала его била дрожь, а мозг отказывался понимать действительность. Неужели это он, Толик, пошёл на преступление и стоит сейчас на стрёме?! Тем не менее начинающий воришка внимательно осмотрел двор. Ни души. Люди семейные уже погрузились либо в свои сны, либо в сериалы, а молодёжь, как всегда в субботу, заиграла на дискотеке. Толя сдерживал дыхание, пытаясь услышать, что делается в квартире. Но словно и не было там никого. В руке неожиданно завибрировал телефон. «Кто это?» – испугался Толик, однако нажал на трубку.

– Ты что, пацан, уснул? – прошелестел в ухо злой голос Монтаны. – Как обстановочка?

– Всё тихо, никого.

Через несколько секунд из подъезда выдвинулась огромная бесформенная фигура, обогнула дом и устремилась в поле, где её и настиг Толя. Рецидивисты побросали сумки и тюки. Довольный Монтана смеялся, поблёскивая золотой фиксой. Дядя Жора с шумом втягивал в себя воздух и держался за левый бок. Без лишних слов они вновь взяли вещи, часть из которых взвалил на себя Толик, и, то и дело отдыхая, пошли через поле. Но подойдя к воротам кладбища и увидев серые кресты, Монтана как-то заискивающе проблеял:

– Может, вокруг пойдём? Ну его к лешему! Не люблю мертвяков, – Монтану передёрнуло, но дядя Жора был неумолим.

– Мара сказала идти через кладбище. Обходить далеко, так намного короче. – Он пошарил по карманам. – Таблетки, чёрт, забыл.

И грабители, неумело перекрестясь, шагнули в царство мёртвых.

Шли вначале робко, напряжённо вслушиваясь в потустороннюю тишину. Шум далёкой трассы представлялся отсюда призрачным, словно из другого мира. Кладбище было огромным, здесь принимали на постой бывших жильцов не только посёлка, но и двух соседних сёл, поэтому казалось, дорожка вела в бесконечность. Воры шли молча, иногда меняя в руках поклажу. Луна заливала серебряным светом кресты и памятники. При виде чёрных могил в живых душах поднималась волна жуткого страха, стоило только представить, кто лежит под землёй.

Монтана, хитрая рожа, втиснулся в середину, весь сжался и старался стать меньше ростом. Он шёл, опустив голову, и смотрел только вниз, под ноги. Поначалу Монтана тщетно пытался вспомнить слова молитвы, но думать он мог лишь об одном – поскорее бы отсюда выбраться.

Толик всё ещё был под впечатлением своей первой кражи. Догоняло раскаяние, и очнувшаяся совесть грызла его неокрепшую душу. «Тебя посодют, а ты не воруй!» – бился в вис-

ках голос Папанова. Осознав себя среди могильных холмиков, Толик почувствовал дурноту. За сегодняшний день это был второй удар для его неустойчивой психики. Он хотел одного – оказаться на своём диванчике, укрыться с головой и забыть весь этот кошмар.

А дядя Жора, единственный из троицы, не обращал внимания на кресты и оградки. Его беспокоило другое: кто-то медленно всё глубже вбивал ему под лопатку ржавый гвоздь.

– Стоп, привал, – выдавил он из себя и сел на холмик свежерытой могилки, – передохнём.

– Дядя Жора, вон, уже калитка видна, – недовольно заворчал Монтана.

– Что, труса празднуешь? Никто ещё... не встал из могилы. Сейчас... от-дышу-с-сь.

Монтана достал ворованный виски «Jack Daniel's», озираясь, сделал глоток и протянул подельнику:

– На, хлебни.

Дядя Жора злорадно усмехнулся испуганному Монтане, слывшему обезбашенным рискованным парнем, взял бутылку и, вероятно, чтобы его добить, громко спросил в сторону могил:

– Ну, ПО-КОЙ-НИЧКИ, кто третьим будет? Выходи из гроба, давай стакан!

Вдруг резкий порыв ветра мощной волной прошёл по верхушкам деревьев; потусторонним шелестом зашептали листья тополей. Где-то далеко протяжно по-волчьи завывала собака. И тишина. В ту же секунду из открытой могилы послышались шорох и сопение. Холмик зашевелился, комья сырой земли посыпались в яму, и оттуда показалась дрожащая рука мертвеца, она протягивала гранёный стакан. Жуткий ужас сковал грешные заблудшие души грабителей, когда они услышали замогильный голос:

– Я... третьим... буду... Наливай!

Толика передёрнуло, холод полоснул низ живота. Словно в замедленной съёмке, он увидел, как завалился на землю дядя Жора, как схватился за голову, страшно закричал и резко замолк Монтана. Самого же Толика вдруг стал разбирать смех. Сначала он хохотнул, всё ещё понимая, что смеяться, собственно, не над чем. Но смех короткими всплесками выдирался наружу, удержать его было уже невозможно. И Толик дал себе волю. Он хохотал, хохотал громко, повизгивая и катаясь по земле. Захлёбываясь, он откашливался, но всё начиналось снова, и он смеялся, смеялся, смеялся, проговаривая лишь одну фразу:

– Тебя посодют, а ты не воруй! Тебя посодют, а ты не воруй!

И уже не видел, как из могилы, кряхтя, вылез удивлённый Машка, безнадежно искал у Монтаны пульс, взял из ещё теплых рук дяди Жоры бутылку «Jack Daniel's», налил до краёв дорогого напитка в мутный стакан, который на всякий случай всегда носил с собой, и выпил. Затем пошарил в карманах Монтаны мобильник, набрал номер скорой помощи и вежливо попросил дежурившую бригаду приехать на кладбище забрать покойников. Прихватив бутылку начатого виски и мобильник, ненужный теперь известному вору Монтане, пнув ногой краденые вещи, Машка медленно пошёл к выходу, подальше от своего летнего пристанища – свежерытых могил, где он мог спокойно выспаться, откуда никто не гонял его по утрам и уж точно не мог назойливо просить спеть голосом Пугачёвой.

Ничего этого Толик не видел, потому что был далеко, в каком-то своём недостижимом мире, запомнив из прежней жизни одну лишь фразу: «Тебя посодют, а ты не воруй!»

Дина ехала домой

Она любила эту дорогу, под стук колёс так хорошо думается и спится. Чай, хорошая книжка и покой целых три дня. Обычно на соседей Дине везло, а может, сказывались её уживчивый характер и умение с удовольствием слушать людей. Вот и на этот раз ничего не предвещало каких-либо неудобств. Наверху, по-видимому, на всю дорогу лёг отсыпаться в наушниках худенький студентик, а напротив расположилась молодая семья. Дине сразу понравилась и эта совсем ещё юная женщина в лёгкой блузочке и длинной льняной юбке, уже не скрывающей беременности, и молодой стройный мужчина с аккуратной русой бородкой и добрыми синими глазами. Светлые волосы, что у женщины, что у мужчины, прихваченные на лбу сплетёнными верёвочками, аккуратными густыми прядями ложились на плечи. Были они тихими, словно из другого мира, где любовь и понимание, где мужчина – это Мужчина, а женщина – Женщина. Просто и ничего лишнего. Маленькая дочка лет трёх тихой мышкой проскользнула в уголок возле окошка. Два её хвостика торчали вверх и казались смешными рожками. Этим девочка была похожа на её Аллочку, доченьку, у которой много лет назад росли точно такие же хвостики. Вспомнилось, как однажды они повстречали старенькую бабушку с клюкой. На старушке была ситцевая юбка в меленький цветочек, такой же длинный фартук и велюровый потёртый козушок. Дина почувствовала, как ладошка дочки сжалась в её руке.

– Мама, смотри, БАБА-ЯГА!!! – прямо в лицо бабушке с восторженным ужасом крикнула малышка и показала на неё пальцем.

Как же было неловко! Пробормотав запоздавшее «извините», Дина нарочно громко стала пояснять, что это хорошая бабушка, добрая бабушка... Сейчас смешно.

Расположились. Дина – пассажир со стажем. Занесло её на север ещё в конце девяностых, хотелось подработать, ремонт в квартире сделать. Тогда её зарплата на земле была пять долларов, да и то задерживали на несколько месяцев. Сейчас самой не верится – как жили? Когда уезжала, думала, на пару лет... А ничего, помыкалась, правда, вначале, но потом устроилась по специальности, работает учителем начальных классов. В этом году снова были первоклашки. Ребятишки шумные подобрались, неугомонные. Но Дине Андреевне не впервой укрощать, добилась-таки, чтобы на уроках была тишина и внимание, стоило ей только строго посмотреть на бузотёров. К концу учебного года бегали за ней, как утята, смешные такие. Вот выпустит их – и на пенсию. Хорошо, что на севере пенсия у женщин в пятьдесят, правильно это. Дина вздрогнула от резкого пронзительного визга. Кричала девочка.

– Что, что случилось? Родители спокойно:

– Лариса, здесь нельзя кричать.

Лукавые глазки девочки поглядывали на тётю: «Что скажешь?»

Дина отвернулась, лучше не вмешиваться. Но это было только началом. Всю дорогу это несносное дитя доставало всех вокруг: маму, папу, её, Дину, а также проводниц, соседей и даже мальчишку в наушниках на верхней полке. Надо отдать должное, девочка была не по годам смыслёной, но успешно скрывала это глупым безразличным взглядом голубых глаз. Раздражала не активность девочки, а её вредный неуправляемый характер. Иногда папа, жалея жену, забирал дочку и шёл гулять по вагону. Тогда издали слышны шум, крики, восклицания пассажиров. Ещё в первый день пути Дина, возмущившись тем, что Лариса стала кулаками бить маму по лицу, попыталась поговорить с маленькой негодницей по-хорошему, но та, не дослушав, убежала к соседнему мальчишке. Ненадолго. Вскоре послышались его плач и окрик родителей:

– Да заберите вы свою девчонку, наконец. Покоя от неё нет!

Родители девочки в споры не вступали, извинялись и забирали своё чадо к себе. Дина уже рассмотрела, что лицо женщины выражало не спокойствие, а какую-то безграничную усталость. Все эти «не хочу», «не буду», швыряние игрушек, постоянные капризы, а главное, неожиданные визги действовали на нервы ужасно, и Дина вдруг поняла, что в аду не черти людей допекают, а вот такой один противный чертёнок.

На третий день Дина встала рано. Весь вагон ещё спал, можно спокойно умыться, а потом смотреть в окно и пить крепкий чай с российским сыром. Хорошо и спокойно! После чая Дина занялась собой, и это тоже был многолетний ритуал: открыла пудреницу с зеркальцем, достала косметичку. Через пару минут её чуть раскосые прозрачные глаза цвета зелёного винограда, очерченные чёрными ресницами, стали колдовскими. Она взяла расчёску и принялась делать начёс. С поезда к своим она сойдёт свежей, красивой, элегантной, как всегда...

Проснулась Лариса, потребовала кашу. Сонная мама сделала ей кашку быстрого приготовления и стала кормить ребёнка. Но маленькая вредина уже кричала: «Не хочу кашу, не хочу, живот болит! Ой-й, ой-ёй-ёй!» Мать молча убрала всё со стола. Но девчонка уже требовала чипсы (живот у неё болит!) и, получив их, со злорадством стала показывать Дине язык: «Что, съела? Вот тебе!»

Дина к тому времени сделала начёс, но волосы ещё не приладила, не уложила, и они чёрным густым облаком довершили образ. В этот момент маленькая бестия набрала воздух, и Дина вдруг поняла, что сейчас вагон содрогнётся от очередного визга. И тогда, пригвоздив девчонку тяжёлым взглядом, Дина, глядя ей прямо в глаза и чеканя каждое слово, произнесла:

– Ты... знаешь... кто я? – и, дождавшись отрицательного ответа, смотря всё ещё не мигающими глазами, она продолжила: – Я – Баба-яга!

Девочка от ужаса прижалась спиной к маминому животу, ручка её сжимала пакет с чипсами и дрожала.

Дина, не отводя злого взгляда, медленно договорила:

– И если... ты... ещё раз закричишь, Я... ТЕБЯ... – и лязгнула последним словом: — СЪЕМ!!!

До конечной станции никто больше эту девочку не видел и не слышал.

Рўсалка

О-о, это целая история, и случилась она давно.

Впервые упоминают о нашем селе ещё в документах восемнадцатого века. В старых записях говорится, что на левом берегу Днестра находится людное село, где живёт около пяти тысяч жителей, есть две паровые мельницы, несколько лавок и базары, ведётся добыча глины.

Кто здесь только не поселился – казаки, молдаване, евреи, украинцы... Предки построили православный храм и две школы – классную и церковно-приходскую, так что наш народ грамоте обучался. В начале прошлого столетия сюда стали переезжать русские – целыми семьями, с ребяташками и немудрёным скарбом. Были они все как на подбор синеглазыми, русыми. Может быть, поэтому, а может, по другой какой причине, место у реки, где они осели, и пляж стали называть Рўсалкой.

На Рўсалке всё и закрутилось.

Жил в то время в нашем селе паренёк по имени Антоша. Мама умерла в ту минуту, когда сынок появился на свет, а Трофим, отец его, помыкался-помыкался да и женился. У новой жены своих детей девять, да дочка родилась, вот бабушка Антошу и забрала к себе. Несладко было мальцу, познал он крайнюю нужду, работать приходилось много – жизнь заставила. Открыл Антон для себя истину: воля и труд – дивные всходы дают. Потому всему научился – и в поле работать, и на винограднике, умел и печку сложить, и обед сварить.

Пошёл паренёку шестнадцатый год. Поднялся Антоша, что молодой дубок: стройный, крепкий, волосы волнами, лицо загорелое, на верхней губе тёмные усики пробиваются, а глаза зелёные – как лист ореховый. Девушки на него стали заглядываться, только он всё отшучивался или, того хуже, внимания не обращал.

Собрался как-то Антоша на Рўсалку на вечерний клёв. Расположился за ивами во-он перед тем поворотом. Кинул донки под другой берег в яму и стал ждать. Лето было жаркое, только ночью и спасение. На речке хорошо – тишина, ни ветерка, ни движения. Уже луна поднялась и спокойно рассматривала село, и плавни, и лес вдалеке. Антоша покусывал травинку и думал, что на неделе снова ему на работу в Одессу идти, к дяде Савве в трактир, хоть в последний раз и зарекался. Зовёт тот его, лишние руки нужны, а у Антоши опыт. Да и денег хорошо бы чуток заработать, ботинки купить – эти малы, и бабушке новую душегрейку не помешает.

Антоша любовался светлым лунным небом и звёздами, рассыпавшимися по всему небосводу. Вдруг его насторожил всплеск, там, у берега, с другой стороны пляжа, где низко склонённые ивы купали в воде свои ветки. Может, сом хвостом? Вот опять. Антон пружинисто вскочил, стал всматриваться. От тёмных деревьев кто-то тихо заскользил к середине реки. И Антон увидел, что это никакой не сом, а девушка! Она плыла в серебряной дорожке, плескаясь в бесконечных волнах реки, то ныряя, то ложась на спину, то подставляя лучам луны своё лицо. Нежный радостный смех зазвучал над водой и отозвался в душе паренёка трепетным волнением. «Верно, русалка купается», – подумалось Антоше, и он перекрестился.

Девушка подплыла к пляжу, осторожно ступая, вышла на берег, не замечая затаившегося среди деревьев юноши. Она повернулась к нему спиной и, чуть наклонившись, стала выжимать свои длинные волосы. Освещённые небесным светом точёные руки и плечи её, казалось, были из мрамора, прилипшая к телу белая рубашка до пят не скрывала плавных изгибов тела – тонкую талию, округлые бёдра и тёмную полосочку чуть пониже спины... В горле у Антона пересохло, он смотрел не дыша и дрожа от волнения. Девушка откинула назад косу, скрылась в темноте деревьев. Одевшись, она стала подниматься по тропинке в село.

Воскресное утро было славным, звонили колокола. Мужчины и женщины с детьми шли на службу. У порога останавливались, крестились, заходили в храм. Антоша сразу её приме-

тил: ладная, в белой косыночке и блузке, украшенной прошвой и пышными рукавами, в синей юбке с защипами понизу, она была похожа на фарфоровую статуэтку, какую Антоша видел у дяди Саввы. Ночное воспоминание залило румянцем смуглые щёки, но, сообразив, что там, на речке, он был для девушки невидим, посмел-таки взглянуть ей в глаза. Яркая синева ослепила его, зажгла сердце, ласковый взгляд согрел душу. Стало светло и радостно и отчего-то тревожно.

Этим же вечером собралась молодёжь на гулянье, на жок¹. Музыканты, задвинув на затылок шляпы, играли. Юноши и девушки, образовав круг, взявшись за руки, неслись в пляске. Задавая бешеный ритм, бил по большому барабану Георгий Сырбу, дробно водил смычком по скрипочке Бенья Фишман, дул в най и озорно подмигивал Петро Романенко, бегали ловкие пальцы Василия Соломона по клавишам новенького аккордеона. Парни подходили к музыкантам, давали им монеты, громко называли имя и фамилию девушки и заказывали для неё танец – это было приглашение. Пара начинала, за ними входили в круг и другие. После каждого танца всё повторялось: девушки хихикали и подталкивали подруг, парни, собравшись с духом, приглашали то одну, то другую красавицу, и так продолжалось веселье. Вот и Антон набрался смелости и пригласил эту светловолосую девушку, повёл её в танце, закружил. Была она лёгонькой, невесомой, послушной ему и непривычным для неё поворотам и стремительным движениям молдавского танца.

С жока шли всей гурьбой – провожали новых знакомых домой, на Рўсалку. Смех, шутки, разговоры. Антон у какого-то двора сорвал цветочек, протянул незнакомке:

– Это тебе.

Всё узнал про неё: и что Елизаветой зовут, и лет ей уже девятнадцать; живёт она со своей роднёй, а мамы-папы нет. Ещё узнал, что девушка просватана за Филиппа, мужика взрослого – лет тридцать ему, – но хорошего, хозяйственного. Скоро и он сюда с роднёй приедет, а там и свадьба не за горами.

Разговорились, словно сто лет знали друг друга. Антон – о своей жизни, она – о своей. Сами не заметили, что отделились от остальных, дошли до речки. Вспомнилось Антоше, как стояла Лиза вчера на этом месте нагая, и у него снова – кровь к щекам! Хорошо, что темно. Тут Луна-сводница Лизе лицо осветила: смотри, показывает, какой неземной красоты девушка! Антон прикоснулся рукой к выбившейся светлой прядке, легонько поправил и, больше не в силах совладать с собой, прильнул жаркими губами к девичьим губам.

Через день Антон ушёл в Одессу на заработки. Накануне на Рўсалке попрощался с Лизой. Взял её за руки, прижался к ним лицом.

– Дождись меня, Лизочка, Богом прошу, не выходи замуж!

– Ну что ты, Антоша, я покойному отцу обещала, как не выходить... – А сама ладошкой по его склонённой голове, по плечам гладит, жалеет. Антон и не заметил, как Лиза у сердца его оказалась, обнял её крепко, выпускать не хочет.

– Не надо! – Девушка отстранилась, поправила кофточку, прошептала: – Нельзя... так и до греха... – Помолчав, проговорила: – Послушай меня, Антоша. Всё равно нам не быть вместе. А в Одессе, поди, девушек много – так ты выбери себе самую-самую красивую. А там и женись. – Хотела Лиза было пошутить, что он мал для неё, да язык не повернулся, не был он таковым. А наоборот, поняла, что самостоятельный он и не по годам серьёзный. Ничего больше не сказала, перекрестила только: – Поезжай с Богом!

На том и распрощались.

В Одессе Антон, уже который год, работал половым в трактире. Тяжёлое ремесло, непростое. Обучался ему Антоша с десяти лет, когда дядя Савва, приехав навестить свою мать, Антошину бабушку, приметил шустрого хлопчика и уговорил забрать с собой. Вначале Антоша

работал на кухне – подай-принеси. Смышленный мальчишка быстро научился при этом разбираться в названиях кушаний, и на следующий год его назначили подручным: он убирал со стола посуду, мыл полы, но главное, учился принимать заказы. И вот уже другой год, как половой Антоша работал самостоятельно. Бывало, по шестнадцать часов на ногах: заказы записывал, подавал блюда, рассчитывал, старался везде успеть, потому что единственный заработок половых – это чаевые. Иногда под утро засыпал прямо в трактире на столе.

Работа полового Антону не нравилась, тянуло его в село, на землю, на поля и виноградник, понимал – там его место! Но была у него мечта. Прочёл он как-то в газете об английском изобретателе Уильяме Говарде, который придумал для пахоты локомобиль, и теперь на полях Англии работало много таких машин. Слышал Антоша от переселенцев и о русском крестьянине Блинове, который изобрёл «вагон с бесконечными рельсами», что двигался, словно быки, три версты в час. Узнал он и о Джоне Старли, тот смастерил ровер «Скиталец», велосипед.

И стал Антон представлять, что не только в городах, но и в сёлах машины работают, чтобы тяжёлую крестьянскую жизнь легче сделать. Решил для начала соломорезку, потом дробилку для зерна купить – очень нужная вещь в хозяйстве, заработать на них денег, а после и до другого чего-нибудь дело дойдёт – вон сколько техники появилось! Ещё не то придумают!

Пора. Антон умылся, расчесал кудри, эх, посмотрела бы на него сейчас Лиза! Какая на нём белая мадаполамовая рубаха, пусть и жесткая на ощупь, зато глянцевиная и дышит хорошо, и белые штаны такие же. Рубаха навыпуск подпоясана красным шнурком с кистями, а за него заткнут бумажник для расчетов. Ах, Лиза-Лизавета! И подумать о тебе некогда, вот уж и первый посетитель: «Чего изволите?»

На Рождество бабушка передала гостинчик и записочку, что жива-здорова, ждёт его, внучка своего, а в конце приписала, вышла, мол, Лиза замуж за Филиппа, осенью свадьбу сыграли, как положено.

Этой вести и боялся больше всего Антоша – свет стал немил, всё из рук валилось. Но как-то переборол себя, приглушил боль потихоньку. А в село решил пока не возвращаться – всё-таки около ста вёрст пути, да обратно столько же – когда ж тогда деньги на мечту зарабатывать? Такое вот оправдание для себя придумал.

Три года пролетели, за это время дядя Савва трактир свой закрыл, зато рядом с недавно построенным оперным театром выкупил ресторан. Там Антон, одетый франтом, разносил блюда клиентам, и те называли его не иначе как официант.

Но однажды в апреле Антон отправился-таки домой, не вмоготу стало, соскучился.

Хорошо дома, Серко выбежал из будки, запрыгал, лапы на грудь положил, щёки лижет – помнит, чертяка! Бабушка у печки побралась² – выскочила, руки в муке, обнимает, плачет от радости, удивляется, красивым стал, повзрослел. Так восемнадцать же стукнуло! Вышел Антоша в огород – благодать! Деревья в молодые листочки оделись, пригретая солнышком земля пахнет, дурманит, синичка поёт залиvisto. Хорошо!

Антоша инструмент пересмотрел, грабли починил, лопату в воду опустил, чтоб черенок набух.

Сели вечерять. У бабушки пирожки – объединение. Тут и с творогом, и с маком. Антоша про жизнь в городе рассказывает, бабушка – о своём житье. Антоша всем интересуется, а о Лизе – ни слова! Не спрашивает. Бабушка терпела-терпела – не выдержала, заговорила первая:

– Лизавета-то овдовела, умер Филипп от инфлюэнции³, и полгода не пожили. Похоронила она мужа, а вскоре сыночка родила, окрестила Николаем, в честь своего отца. Славный такой мальчишечка, бегаёт уже.

Тут Антон и напрягся.

- Бабушка, а схожу-ка я на рыбалку? На вечерний клёв.
- Сходи, а как же. Чего ж не сходить? Самое время!
- Антоши и след простыл.
- Какую же он рыбку без удочки-то поймает? – засмеялась про себя бабушка.

Ах, молодость, молодость! Сетуют иной раз те, кого жизнь чему-то да научила, кто не раз набил лоб свой, кто наставил себе шишек. Учат детей своих неразумных, как правильно жить, что делать. Конечно, добра желая! Но как знать, что человеку лучше? Ведь что одному плохо, другому – за счастье покажется. Что одному – мечта, другому и даром не надо. Потому нечего к чужой судьбе со своей меркой подходить, неправильно это.

Антоша Лизу на руках до Рўсалки донёс – отпускать не хотел. У воды к своей груди прижал, напомнил их последнюю встречу. «Я, – говорит, – сделал, как ты велела. Стану иной раз в Одессе на перекрёстке, смотрю-смотрю – много барышень мимо проходит: нарядные, красивые, а всё равно, Лизочка, краше тебя нет! Так и не встретил лучше, чем ты».

Потянулась Лиза к нему, обняла бережно, к себе крепко-крепко прижала, горячими губами его губы нашла.

А село пошумело-пошумело да успокоилось, даже самые вредные сплетницы (это у которых дочки остались незамужние), хоть и не сразу, но наконец признали, что, несмотря на разницу в возрасте, Антон и Лиза – хорошая пара. А как не признать! Всё-то у них ладится – и в огороде, и в доме порядок. И виноградник поднимается – загляденье, и сад. Антон сразу же из города соломорезку привёз, теперь и с дробилкой управляется, говорит, да уверенно так, что скоро в нашем селе машины ездить будут и в поле работать. А пока купил этот, как его? Лисапед! Баловство, конечно.

Лиза с Антоном знают, что бабы языками чешут, улыбаются, у них за Колей Лидочка, Ваня и Верунька подрастают. К зиме пятого ждут.

Начало XX века. Всё ещё впереди.

¹Жок – народное гулянье.

²Побратья – делать какую-нибудь домашнюю работу, прибирать, готовить и т. д.

³Инфлюэнция – то же, что грипп (устаревшее название).

Мурлыка

Поезд медленно тянулся на юг. Машины с лёгкостью обгоняли состав, который из-за сыпучих песков и подземных вод никак не мог пуститься во все тяжкие. Андрею достался билет на верхней полке, но до прихода законного пассажира он сел внизу, тем более что напротив смотрела в окно прелестная молодая женщина. Андрей украдкой бросал взгляды на попутчицу и уже рассмотрел милый профиль, вздёрнутый носик и рыжие пружинистые волосы в мягкой косе, но всё ещё не решался заговорить. Собравшись идти за чаем, Андрей услышал:

– Принесите и мне, пожалуйста. – Девушка протянула чашку, и глаза их встретились. «Карие!» – понравилось Андрею. А когда он вернулся, беседа завязалась сама собой, как и положено в поезде дальнего следования. Даша щебетала о себе, не заботясь, какое впечатление производит: работа, подружки, муж бросил... Андрей отметил про себя, что другая сказала бы «развелись». Такое простодушие удивляло, ведь на глазок Даше было лет двадцать пять, но эта же наивность и притягивала. Андрей, как никогда, чувствовал себя сильным и уверенным: хотелось эту рыженькую с белой нежной кожицей девушку оберегать, защищать от разных глупостей и, чего греха таить, любить. Так и продолжалась их спокойная неторопливая беседа.

Вот и Сургут. Андрей прошёлся по перрону. «Даша, Даша» – имя грело и приятно щемило. Долгожданный, только что начавшийся отпуск показался вдруг тягостно длинным. Быстрее бы пролетел, ведь в северном городе его уже будет ждать Даша! В кармане лежал беленький бумажный квадратик, где были нацарапаны имя и заветный телефон. И Андрей купил букет ромашек, так похожих на девушку...

Наконец поезд тронулся и плавно поехал. С высоты сургутского моста они вместе любовались Обью – широкая река, красавица!

– Та-ак, а это моё место! – пророкотало за спиной. Рядом стоял крепкий вальяжный мужик, джинсовая рубашка его была наполовину расстёгнута, мощная грудь обнажена, а на ней – серебряная цепь с массивным крестом. Крупное лицо мужчины с носом-барабулькой и усами-щёткой было бы внушительным, если б не весёлые глаза.

– Что, подумали, что так и не будет никого, а? Так и будете ехать одни? А вот он, я! Ха-ха-ха! Прикиньте, перепутал и в другой вагон сел. А-ха-ха-ха! – Раскатисто и хрипло смеясь, он вытеснил Андрея на вторую полку.

Тут же познакомился с Дашей, и через несколько минут та уже угощала его печеньем и называла Валерой. Вначале, видимо, чувствуя неловкость, она робко попыталась втянуть и Андрея в разговор, но вскоре новый попутчик всецело захватил её внимание.

Андрею сверху было видно, как разрумянились Дашины щёчки, влажные зубки поблёскивали жемчужинками, а тонкие руки то и дело поглаживали, поправляли, откидывали рассыпавшиеся рыжие спиральки волос. Конечно, Андрей спустился к ним, даже попробовал ввязаться в беседу, но попутчику он явно был неинтересен, да и Даше, видимо, уже тоже, и пришлось убираться.

Андрей лежал на верхней полке и под равномерный перестук колёс размышлял о том, что вот ему уже почти тридцать, а женщин он так и не понимает. Что им нужно? Почему этот вахтовик девушке больше по душе, чем он, Андрей, человек с высшим образованием и хорошим заработком?

Утром Даше выходить.

Валера помог достать багаж и произнёс:

– Мурлыка, я тебе позвоню. Ха-ха-ха! Обязательно!

Даша смущённо кивнула на прощание Андрею и, оставив ромашки на столе, поспешила за Валерой, тащившим её сумку к выходу.

Поезд вовсю набирал обороты. Вернулся Валера, довольно напевая, он завалился на своё место, взял телефон и заурчал:

– Мурлыка, я уже еду к тебе! Да, денежки получил, всё в порядке. Приготовила мне борщика со сметанкой? Ха-ха-ха! Ты моя хорошая! Люблю тебя, мягонькую! До вечера! Целую твои лапки!

«Да он женат!» – догадался Андрей.

Валера сел, прокашлял горло и снова стал звонить.

– Мурлыка, узнала? Да, уже в поезде. Завтра вечером буду у тебя. Ха-ха-ха! Не надо встречать, я на попутке доберусь. Я очень, очень соскучился по тебе... Нет, получил только аванс, обещали пятнадцатого на карточку кинуть. А чем будешь угощать своего котика? Хочу фаршированный перчик со сметанкой... Вот спасибо! Целую твою мордочку! До встречи!

Валера какое-то время смотрел на мелькающий лес, снова набрал чей-то номер и зарокотал:

– Мурлыка, это я! Еду, еду!.. Послепослезавтра, к вечеру. Ещё не заплатили... Да, да, работаешь, работаешь, а на билет пришлось одалживать... Сказали, после пятнадцатого. Я так скучаю по моей Мурлыке! По глазкам, и по губкам, и по... Ха-ха-ха! А ну, скажи, что ты приготовила своему любимому муженьку?.. Со сметанкой?..

Андрей достал из кармана беленький бумажный квадратик с острыми каракулями, сложил самолётик и выпустил в окно. Тот мгновенно исчез, словно его никогда и не было. Андрей улыбался, теперь он точно знал, что нужно женщине! И он ехал в отпуск!

Кукла

Я ждала Ленку в вестибюле больницы. Мы договорились навестить нашу подругу, которая попала сюда с банальным аппендицитом. От нечего делать подошла к открытому киоску, что пристроился возле гардероба. Здесь было на что посмотреть: на отдельном стеллаже расположились игрушки: машинки, мотоциклы, самолёты, для малышей – мягкие зверушки, и конечно, легио! Я скользнула по ним взглядом и устремилась было к разложенным на прилавке книгам, но каким-то боковым зрением усмотрела нечто, что выбивалось из общей гармонии детского счастья. Из чистого любопытства вернув своё внимание обратно, я стала медленно рассматривать игрушки. Вот барби, кены и их дети, вот большая глупая кукла-пупс с розовым горшком... белый-пребелый мишка с синим шарфом поднял лапу. Вот оно, то, что меня зацепило! Между мишкой и ярко-жёлтой неваляшкой стояла в коробочке кукла! Серо-зелёный цвет её лица, чёрные круги под пустыми глазами, фиолетовые губы создавали жуткое впечатление. Я присмотрелась к игрушке, наклонилась вперёд, и вдруг догадка отшатнула меня. Кукла была упакована в чёрно-свекольную коробку-гроб! Сомнений быть не могло – это была кукла-мертвец! Подошла Ленка с солнечными апельсинами. – Смотри!

Ленка прищурила свои близорукие глаза, и я увидела, как они из щёлочек округлились до предела.

– Жуть какая!

– Ты тоже так поняла? А то я подумала, может, у меня что-то с головой.

– С тобой всё нормально, а вот её сделали явно больные.

– Представляешь, дарит мама дочке гроб с мертвецом.

– Играй, доченька, развлекайся!

– Кто ж купит эту кошмарную куклу?!

– Да никто!

И мы направились в палату, возмущаясь и источая сарказм на головы авторов, производителей и продавцов ужасной покойницы.

Через три дня волею случая я вновь оказалась на том же месте. Проходя мимо киоска, искала глазами кошмарную игрушку. Вот классный мишка, вот неваляшка с огромными голубыми глазами, но между ними – весёлая краснощёкая хрюшка! Может, переставили?

– А-а-а, тут стояла...

Девушка-продавец всё своё внимание направила на меня:

– Я поняла. Вы про куклу. Её уже несколько человек спрашивали. К сожалению, продали.

Вы заходите на следующей неделе...

Я медленно отошла от прилавка.

Мир перевернулся и катится в тартарары.

Дениска

Дениска открыл холодильник. Кроме кошачьего корма и бутылки пива, там ничего не было. В морозилке тоже было пусто. Вчера утром он сварил пельмени и за день съел все. Мальчик пошарил по шкафам, нашёл немного мелкой вермишели, которую мать держала для супа, и это была удача.

Дениска умеет разжигать плиту. Вначале было очень страшно, он открывал газ, и тот с тихим шипением уже выходил, спичка, крепко зажатая пальцами, догорала, а пламени всё не было. Потратив сколько-то спичек и времени, Дениска всё же научился этой премудрости, теперь он может готовить себе еду. Осторожно слив горячую воду через дуршлаг, Денис откинул белый комок в тарелочку. Масло закончилось, майонез он доел с пельменями, пришлось заправить вермишель сахаром. На стол прыгнул Ларс, большущий серый кот, и Денис насыпал в его плошку немного корма. Поев и даже выпив пакетичный чай, мальчик вымыл посуду и пошёл в зал.

Раньше, когда он был маленьким, квартира казалась ему огромной, она была целым миром. Он колесил по всем трём комнатам на новом велосипеде, папа и мама «ловили» его, и все они весело смеялись.

Сейчас в доме пусто, только напольные часы с маятником наполняют квартиру равномерным тиканьем и боем.

Дениска подошёл к окну, отодвинул тяжёлую коричневую портьеру. Ласковое июньское солнышко осветило белокурую головку мальчика, заглянуло ему в глаза. С третьего этажа Дениске хорошо была видна спортивная площадка, там ребята гоняли мяч. Серёжка как раз забил гол, и все кричали, кто от радости, кто протестуя, и разбегались по своим местам, чтобы играть дальше. Как им хорошо! И как тоскливо ему, Дениске. Слёзы подступили к глазам, мальчик всхлипнул. Артёмка из второго подъезда увидел его, позвал рукой, мол, выходи к нам, но мальчик в окне помотал головой и, словно его могли услышать, прошептал: «Я ключ потерял».

Несколько дней назад Алексей Васильевич обронил: «Нет ключа – будешь сидеть дома». И ушёл. Тяжёлая крашеная дверь щёлкнула замком. Он и раньше брал гитару, уходил, но ночью или в крайнем случае на второй день возвращался. И тогда довольный, иногда пьяненький, он не трогал Дениса, а наоборот, поучал: «Жениться надо с умом! А ты дурак». Продукты какие-никакие в доме были – оставались после Алексея Васильевича, готовить себе Денис научился давно, да и на улицу – пожалуйста, выходи, гуляй сколько хочешь, там и к бабе Оле можно зайти, она всегда угостит пирожком, а то и кашей накормит. Старушка при этом гладила Дениску по спине, жалела, называла неприятным словом «несчастный».

Денис остановился у книжного шкафа – здесь жили его любимые герои. И этот шкаф, и комод с ручками-завитушками, и большой овальный стол, покрытый гобеленовой скатертью с золотыми нитями, были старинными. Маленьким Денис представлял, что он – отважный герой, он живёт в замке волшебной сказки, а мама – прекрасная светловолосая принцесса, которую он спасёт от злого чудища, пусть только явится сюда!

Но всё сложилось иначе.

Сначала ушёл папа. Мама сказала, к Азе. Азззза казалась мальчику злой осой. Денис жалел папу и не мог понять, почему тот никак не сбежит от неё. При коротких встречах, когда они с папой гуляли по парку или сражались в игровом центре, мальчик так и не решился задать этот волновавший его вопрос. Мама тоже переживала, плакала тайком, но при посторонних всегда улыбалась и была похожа на гордую королеву, от этого сердечко маленького мальчика переполнялось любовью и гордостью за неё.

Потом с мамой стал приходиться Алексей Васильевич. С круглой лысиной на макушке, с небольшими, побитыми кое-где белой сединой, усиками, скользкий, неприятный. Он работал вместе с мамой в библиотеке. Мама сказала, это её новый начальник. Каким-то обострённым чувством, которое так развито у детей, Денису не нравился этот человек.

Когда Денис учился в первом классе, мама сказала, что Алексей Васильевич будет жить у них, теперь это её муж, а его, Дениса, он усыновляет. Необъяснимый страх захолодил сердце ребёнка, пролился слезами. Он прижался к маминому животу, словно хотел укрыться от беды, но мама, обнимая его, лишь приговаривала: «Не надо плакать, сынок, ты же мужчина! У меня сегодня праздник, будь умницей, не огорчай меня». Эти мамины слова не успокаивали, почему-то сейчас они для Дениса ничего не значили.

В этот же день он встретился с папой в парке, и ощущение беды заставило заговорить о том, как ему, Дениске, плохо. Но папа, покачивая колясочку с младенцем, принялся рассуждать о трудностях жизни, проблемах, называя почему-то его, Дениску, братом. Папа говорил, говорил, его слова были так же пусты, как и мамины, они не утешали и не давали надежды. Дениска посмотрел на папу и вдруг почувствовал: этот красивый человек в чёрном пальто, в чёрных перчатках, так по-чужому пахнувший чем-то дорогим, уже не его папа и он, Дениска, ему совсем не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.